

УДК 94(47).073.5

**ПЛАНЫ РОССИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ОБОРОНЕ
ПОБЕРЕЖЬЯ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ОСЕНЬЮ 1854 Г.
ПО ДОКУМЕНТАМ «КОМИТЕТА ПО ОБОРОНЕ
БАЛТИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ»**

Курочкин С. С.

*Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: qeen123@yandex.ru*

Проанализированы планы российского командования по защите побережья Балтийского моря от возможной высадки англо-французского десанта в 1855 г. в период Крымской войны по документам «Комитета по обороне балтийского побережья». Благодаря анализу документов данного комитета удалось получить уточнённые данные о планах русского командования по распределению войск на балтийском театре военных действий в 1854 и 1855 гг. Анализ журналов заседаний комитета даёт основание утверждать, что успех высадки союзников в Крыму в сентябре 1854 г. заставил русское командование опасаться, что противник предпримет попытку осуществить аналогичную операцию в Балтийском море. При участии военного министра В. А. Долгорукова, а также генерал-майора Д. А. Милютина, был создан план, предусматривавший в ходе кампании 1855 г. наращивание присутствия русских войск на берегах Балтийского моря. В ходе рассмотрения данного плана «Комитетом по обороне балтийского побережья», распределение войск между районами в 1855 г. было скорректировано, но тенденция к увеличению численности русских войск на берегах Балтийского моря была сохранена.

Ключевые слова: Крымская война, фортификация, береговая оборона, стратегическое прогнозирование, В. А. Долгоруков, Д. А. Милютин, Николай I.

По ходу Крымской войны 1853–1856 гг. боевые действия в разное время велись на множестве различных театров военных действий. Основное внимание в историографии традиционно уделялось тем из них, на которых в период войны происходили наиболее значимые сражения: действия русских войск на Балканах в 1853–1854 гг., боевым действиям в Крыму и обороне Севастополя 1854–1855 гг., событиям на Кавказе. Балтийский театр военных действий остается на сегодняшний момент менее исследованным, поскольку, действуя в водах Балтийского моря в ходе кампаний 1854 и 1855 гг., англо-французский флот осуществил лишь две относительно крупные операции: захват крепости Бомарзунд на Аландских островах в 1854 г. и неудачную атаку на Свеаборг в 1855 г. Однако вопрос о том, как события на данном театре военных действий повлияли на общий ход войны и какая роль данному театру отводилась в русских военных планах на 1854 и 1855 гг., остается на сегодняшний момент не до конца исследованным.

Наиболее подробно события на Балтийском театре военных действий в 1854–1855 гг. и их дипломатическая подоплека рассмотрены в монографии Е. В. Тарле

«Крымская война». Среди источников, использованных им при подготовке глав, посвящённых событиям на Балтике, указаны и документы «Комитета по обороне Балтийского побережья» [15, с. 545]. Однако основной акцент в данной монографии делался на планах и действиях англо-французского флота; вопрос об оценке русским командованием ситуации на Балтике изучен в монографии менее подробно.

Среди исследований, в которых рассматривается проблема распределения русских войск на балтийском театре военных действий, следует назвать статью Р. Н. Рахимова и М. И. Роднова «Башкирские полки в Самаре». Но в данной статье рассматриваются только те решения «Комитета по обороне Балтийского побережья», которые повлияли на дислокацию башкирских полков [14, л. 105].

Боевые действия на Балтийском море в период Крымской войны затрагивались в статье В. В. Лапина «Финляндия в военной системе Российской империи» [4, с. 101]. Однако специальных исследований, посвящённых деятельности «Комитета по обороне Балтийского побережья» в историографии на сегодняшний момент нет.

Основной источниковой базой для написания статьи являются делопроизводственные документы «Комитета по обороне Балтийского побережья», хранящиеся в фонде 169 (Милютины) Отдела Рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ) [2, с. 96]. Один из фондообразователей, Д. А. Милютин, занимая в 1854 г. в вышеуказанном комитете должность одного из двух делопроизводителей, участвовал в 1854 г. в подготовке программных документов комитета [13, л. 3].

Согласно воспоминаниям Д. А. Милютина, находившегося с августа 1853 г. «для исполнения поручений» при военном министре В. А. Долгорукове, процесс подготовки к прямому военному столкновению с Англией и Францией был начат в феврале 1854 г. (9 февраля 1854 г. был опубликован императорский манифест о разрыве с западными державами). После того, как указом Правительствующему Сенату от 16 февраля пограничная полоса от «Северного океана» до границы с Персией была объявлена на военном положении, началось сосредоточение войск на побережье Финского залива. В качестве отдельного района был выделен участок от Петербурга до Нарвы с одной стороны и до Выборга с другой. В качестве отдельного района выделялась Финляндия. На южном берегу Финского залива действовали два отряда с центрами в Риге и в Ревеле [6, с. 236]. С февраля 1854 г. были начаты работы по приведению в оборонительное положение русских крепостей и укрепленных пунктов на побережье. 14 июня англо-французская эскадра появилась на рейде Кронштадта и находилась там до 20 числа. Впоследствии в августе 1854 г. англо-французская эскадра захватила крепость Бомарзунд на Аландских островах [15, с. 71].

Успешное проведение англо-французским флотом операции по переброске в Крым экспедиционной армии, завершившейся высадкой 1 сентября 1854 г. в Евпатории, заставило русское командование, в т.ч. военного министра В. А. Долгорукова, пересмотреть свои представления о возможностях противника по перевозке морем крупных соединений сухопутных войск. По его поручению Д. А. Милютиным была подготовлена записка, получившая название «Соображения

относительно обороны берегов Балтийского моря» и датированная 24 сентября 1854 [6, с. 301]. Во вступительной части записки сказано: «Ныне флоты их в состоянии осуществлять такие военные предприятия, которые прежде считались несбыточными; а через это все расчёты, служившие доселе основанием при стратегических соображениях относительно морских действий, ныне должны совершенно измениться. Защита берегов морских на значительном протяжении становится одною из самых трудных задач военного искусства» [8, л. 1].

В записке говорилось, что российские приморские города и крепости, находящиеся на берегах Балтийского моря (равно как и объекты, расположенные на Черноморском побережье России), уязвимы для атак военно-морских сил союзников. Англичане и французы, имея возможность сосредоточить в Балтийском море значительные силы своих флотов, могли высадить в любой точке российского побережья Балтийского моря армию численностью свыше 70 тыс. человек [8, л. 1 об.]. Если бы противник высадил армию численностью в 70 тыс. чел. рядом с одной из приморских крепостей с целью овладеть ею и если бы данная крепость смогла бы обороняться в течение двух недель, российскому командованию необходимо было бы сконцентрировать в районе атакованного пункта армию численностью не менее 80 тыс. чел. в течение двух недель, из которых 3–4 дня ушли бы на планирование и подготовку к маршу. Таким образом, было необходимо, чтобы войска, на которые была бы возложена задача по деблокированию крепости, находились бы не далее, чем на расстоянии 250–300 верст от нее [8, л. 3]. В таком случае для защиты береговой линии на всей её протяженности российской армии необходимо было сосредоточить (помимо крепостных гарнизонов) 80 тыс. чел. на каждые 500 верст береговой линии. То есть, для защиты всего Балтийского побережья России потребовалось бы не менее 400 тыс. солдат [8, л. 4]. Однако даже такие силы оказались бы недостаточными, если бы противник высадил армию численностью более 70 тыс. чел., если бы подвергшаяся нападению крепость не смогла продержаться две недели или если бы местные географические условия не позволили полевой армии достичь атакованного пункта в двухнедельный срок.

На основании приведенных выше расчетов Д. А. Милютин делал вывод, что российская армия не сможет оборонять всю протяженность береговой линии и должна будет сконцентрировать свои силы для обороны ключевых пунктов [8, л. 4 об.]. Следовало максимально сократить число пунктов, которые предполагалось отстаивать, и сосредоточить вокруг каждого из них войска, достаточные для отражения возможного нападения. Каждая из приморских крепостей становилась бы центром оборонительного района. От обороны пунктов, не имевших большого стратегического значения, следовало отказаться или выделить для их защиты небольшие гарнизоны, способные отразить нападение вражеских крейсеров.

По расчетам Д. А. Милютина, в силу географических условий русские войска в Финляндии, Петербургской губернии и в Ост-Зейском крае не смогли бы достаточно оперативно оказать поддержку друг другу [8, л. 6]. Д. А. Милютин утверждал, что окрестности Петербурга, Ост-Зейский край и Великое княжество Финляндское должны образовывать самостоятельные системы обороны. Силы,

*ПЛАНЫ РОССИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ОБОРОНЕ ПОБЕРЕЖЬЯ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ОСЕНЬЮ 1854 Г. ПО ДОКУМЕНТАМ...*

выделенные для обороны Балтийского побережья в 1854 г. (165 тыс. чел.: 209 батальонов, 114 эскадронов и 412 орудий), Д. А. Милютин признавал недостаточными, поскольку войска были рассредоточены на большой территории и в каждом конкретном пункте оказывались несоразмерны силам, которыми мог располагать противник [8, л. 6 об.]. В 1854 г. русские войска в Финляндии насчитывали 26 тыс. чел. (19 ½ бат.), из которых 5 ½ бат. составляли гарнизон Свеаборга, 3 бат. были назначены для защиты других укрепленных пунктов и только 11 бат., 4 эск. и 32 орудия (около 10 тыс. чел.) могли быть употреблены для действий в поле [8, л. 7]. Войскам из Петербурга потребовалось бы для оказания помощи Гельсингфорсу преодолеть 417 верст, на что требовалось не менее трёх недель. В Або находился гарнизон до 3 тыс. чел., но этого было недостаточно, чтобы защитить город. Гангеудская укрепленная позиция уже была очищена. Роченсальм и Свартогльм также следовало разоружить.

Таблица 1.

Общее распределение войск на балтийском театре в конце 1854 г.

	численность (человек)	батальонов	эскадрона в	сотен	орудий
В Финляндии	32700	33 ¾	6	6	52
В Петербурге, Кронштадте, Выборге, Нарве и окрестностях	96300	96 ¾	34		184
В Эстляндии	37500	41 ¼	12	4	40
В Лифляндии	8300	9		2	24
В Курляндии	11200	9	16	6	32
Всего	186000	189 ¾	68	28	332

В Ост-Зейском крае русские войска насчитывали 42 тыс. чел. (42 ¼ батальона, 28 эскадронов, 12 сотен, 100 орудий), из которых около 10 тыс. (9 бат. 2 сотни, 28 орудий) были выделены для обороны Риги, 20 тыс. (24 ¼ бат., 12 эск., 4 сотни, 40 орудий) – для защиты Ревеля, и ещё 12 тыс. (9 бат., 16 эск., 6 сотен, 32 орудия) находились в Курляндии. По расчетам Д. А. Млиютин, этих войск было недостаточно для обороны вышеназванных пунктов, а подкрепление из Петербурга могло достичь Ревеля только через 16 дней после нападения [8, л. 10 об.].

Д. А. Милютин предполагал, что 1855 г. противник может высадить на берегах Балтийского моря десантную армию численностью в 70–80 тыс. чел., к которой могли присоединиться шведские войска, что в сумме составило бы 100–120 тыс. чел. В оригинальном документе напротив данных расчетов рукою императора Николая I поставлена приписка «Неоспоримо» [8, л. 12 об.].

На полях против абзаца, в котором описывается важность определения ключевых пунктов обороны, рукою императора Николая I сделана приписка: «Их только три: Свеаборг с Гельсингфорсом, Кронштадт с Петербургом и Рига. Нарва и

Выборг – особенные посты» [8, л. 13]. Д. А. Милютин утверждал, что Кронштадт, прикрывавший путь на столицу, мог стать в следующем году целью вражеской атаки. Противник мог высадить армию на берегу между Кронштадтом и Выборгом или между Кронштадтом и Нарвой и начать наступление на Петербург. Необходимо было иметь возможность сосредоточить против вражеского десанта силы не менее 80 тыс. чел. в течение двух – трёх дней. Поэтому войска, собранные в 1854 г. в окрестностях Петербурга, вероятно, следовало оставить там и в течение компании 1855 года. Напротив данного утверждения рукою императора Николая I сделана приписка: «Справедливо» [8, л. 14].

Гельсингфорс и Свеаборг являлись ещё одним объектом, нуждавшимся в усилении обороны ввиду своей стратегической значимости. Д. А. Милютин особо обращал внимание на оборону Гельсингфорса от атаки с сухого пути и утверждал, что при появлении вражеского десанта русской армии следовало атаковать противника в поле, для чего, однако, требовалось, стянуть к городу в течение 3–4 дней силы, превосходящие по численности вражескую армию, в составе которой может быть до 80 тыс. чел. Рядом с данным абзацем рукою императора Николая I сделана приписка: «Думаю, что характер местности никогда не позволит такого совокупления сил; или, просто сказать, места не найдем» [8, л. 15].

Войска, выделенные для защиты Гельсингфорса, по расчету Д. А. Милютина, не могли оперативно оказать помощь Або и Выборгу из-за их значительной удаленности (210 и 280 верст). Выборг следовало оборонять силами собственного гарнизона; на это император Николай I сделал приписку: «И я так думаю» [8, л. 15 об.]. Поскольку Або был слабо укреплен, его удержание потребовало бы выделения значительных сил, Д. А. Милютин предлагал перебросить канонерские лодки из Або в другие порты, а в самом городе оставить лишь небольшой отряд. Против данного абзаца рукою императора Николая I написано: «Да».

Другие укрепленные пункты на финском побережье Балтийского моря (Роченсальм и Свартгольм) Д. А. Милютин считал необходимым скрыть по примеру Гангеудских укреплений [6, с. 302].

По оценке Д. А. Милютина, Рига и Ревель не имели для России настолько большого стратегического значения, чтобы ради их удержания сосредотачивать в Ост-Зейском крае 80-тысячную армию. Д. А. Милютин предлагал скрыть укрепления обеих крепостей, утверждая, что захват неукрепленных городов не принесет противнику существенных выгод. Однако рукою императора Николая I полях сделана приписка: «Ревель да, но не Рига» [8, л. 17 об.]. Крепости Динамюнде и Нарва предполагалось отстаивать силами их собственных гарнизонов.

Для действий в поле Д. А. Милютин считал необходимым собрать в Петербургской губернии (на территории от Выборга до Нарвы) армию в 80 тыс. чел. [6, с. 302]. В Финляндии, (центральный пункт – Гельсингфорс) – 80 тыс. чел. В Эстляндии (центральный пункт – Ревель) – отдельный наблюдательный корпус, 20 тыс. чел. В Курляндии и Лифляндии (центральный пункт – Рига) – отдельный корпус, 40 тыс. чел. Таким образом, число действующих войск должно было составить 220 тыс. чел. (с местными войсками – до 275 тыс.) [8, л. 20]. Силы,

*ПЛАНЫ РОССИЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ ПО ОБОРОНЕ ПОБЕРЕЖЬЯ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ОСЕНЬЮ 1854 Г. ПО ДОКУМЕНТАМ...*

собранные в 1854 г. для обороны балтийского театра военных действий, насчитывали 166 тыс. чел (209 бат., 114 эск., 4 полка казаков, 412 орудий). В ходе кампании следующего года Д. А. Милютин предлагал для тех же целей выделить минимум 275 тыс. чел. Но он опасался, что к весне 1855 г. на данном потенциальном театре военных действий удастся собрать только 225 тыс. чел. даже при условии, что Гвардия будет возвращена на берега Балтийского моря [8, л. 20 об.]. Для изыскания недостающих войск (около 40 тыс. чел.) было предложено перебросить из Ковенской губернии и Литвы силы общей численностью 9 тыс. чел. (8 бат., 16 эск., 48 орудий), ускорить укомплектование запасной дивизии 2 пехотного корпуса (24 бат. – около 20 тыс. чел.) и вооружить флотские экипажи.

Таблица 2.

Распределение сил местной обороны и гарнизонов на 1855 г.

соединение	численность	батальонов	эскадронов	сотен	орудий
Санкт-Петербург		9 ¹	6		8
Кронштадт		22	2		16
Гельсингфорс и Свеаборг		10		2	8
Выборг		3		2	
Або		3		4	8
Нарва		3		1	
Ревель		3		2	8
Рига		3 ²		2	8
Динамюнде		1 ³			
Финляндия, на постах и в городах				4	
Ост-зейский край на постах				7	
Всего	55000	57	8	4 полка	56

В заключение Д. А. Милютин писал, что Российская армия недостаточно многочисленна, чтобы одновременно обеспечить надёжную оборону побережья Балтийского и Чёрного морей от покушений со стороны англо-французских флотов и поддерживать на своей западной и юго-западной границе две армии, достаточно многочисленные для противостояния Австрии и Турции. Для этого, по его расчётам, нужна была армия численностью около миллиона человек [8, л. 21 об.].

Согласно воспоминаниям Д. А. Милютина, данная записка была передана В. А. Долгорукому 29 сентября. По неизвестной Д. А. Милютину причине, представление записки императору произошло лишь через месяц. Уже в конце

¹ Рукою императора исправлено: не менее 12

² Рукою императора исправлено: 6

³ Рукою императора исправлено: 2

октября 1854 г. она, в виде министерского доклада, без подписи Д. А. Милютина, была представлена императору [6, с. 302]. После этого данная записка, по решению императора Николая I была направлена на обсуждение в «Комитет о защите берегов Балтийского моря» под председательством вел. кн. Александра Николаевича, в который также входил вел. кн. Константин Николаевич, ген. ад. Г. В. Жomini, ген. ад. Ф. Ф. Берг, инженер-генерал И. И. Дэн, генерал от артиллерии барон Н. И. Корф, ген. ад. А. П. Безак, барон В. К. Ливен, военный министр В. А. Долгоруков, генерал-майор В. Г. Политковский [13, л. 1]. Производителями дел были назначены генерал-майор Д. А. Милютин и полковник Карцов. По итогам работы комитета в конце ноября 1854 г. был подготовлен проект доклада председателя комитета императору Николаю I по вопросам обороны отдельных стратегических пунктов и распределения сухопутных и морских сил от 25 ноября 1854 г. [12, л. 1]. Комитет выразил согласие с двумя основными принципами, изложенными в записке военного министра от 24 сентября: уменьшить число пунктов, требующих упорной обороны, но сконцентрировать оборонительные средства в тех пунктах, оборона которых будет признана необходимой. В ходе четырех заседаний (9, 12, 16 и 20 ноября) обсуждались два важнейших вопроса: какие прибрежные пункты имели наибольшее стратегическое значение и требовали упорной обороны и как следовало распределить сухопутные и морские силы российской армии для успешной защиты тех пунктов, которые необходимо будет оборонять [11, л. 2]. 24 ноября и 2 декабря состоялись ещё два заседания, на которых обсуждались частные меры [6, с. 305].

Комитет предлагал разделить российский побережье Балтийского моря на четыре участка: 1) Санкт-Петербургский район (ограниченный Нарвой с одной стороны и Выборгом с другой), подчинённый главнокомандующему гвардейских и гренадерского корпусов на общих правах главнокомандующего действующей армией в военное время; 2) Финляндия (за исключением Выборгской губернии), подчинённая главному начальнику на правах командира отдельного корпуса в военное время; 3) Эстляндские губернии, подчиненные командующему эстляндским наблюдательным корпусом на тех же правах; 4) Лифляндская и Курляндская губернии, подчинённые командующему рижским корпусом [10, л. 1 об.].

Прибрежные пункты были разделены на четыре категории важности: а) пункты, которые по важности своей требуют упорной обороны против высадки значительных неприятельских сил; б) пункты, где достаточно разместить наблюдательные отряды для отражения лишь частных покушений противника; в) пункты укрепленные, для защиты которых достаточно одного гарнизона; г) пункты, которые должно оставить вовсе без обороны, а если они укреплены, то разоружить их или даже срыть [11, л. 2 об.]. Комитет рекомендовал принять меры к вывозу из приморских городов вглубь страны военного имущества. Значительные запасы предполагалось сохранять лишь в приморских крепостях, которые могли быть подвергнуты осаде [10, л. 4 об.]. В местностях, где таких крепостей не было, предлагалось создать для снабжения войск складские пункты на удалении от 30 до 50 верст от берега [10, л. 4].

Комитет предлагал исключить Ревель из числа пунктов, которые следует оборонять, и скрыть его укрепления, оставив лишь подвижный отряд для защиты Эстляндии. Генерал-адъютант Ф. Ф. Берг, однако, возражал против данного решения, считая, что разоружение Ревеля окажет деморализующий эффект на жителей Эстляндии и может спровоцировать противника на нападение на данную территорию [9, л. 2]. Ф. Ф. Берг считал, что целесообразнее будет, соединив рижский и ревельский (эстляндский) отряды, создать Остзейскую армию численностью около 60 тыс. чел., которая, находясь между Ригой и Ревелем, могла бы в случае необходимости оказать помощь каждому из этих пунктов. В. А. Долгоруков, однако, утверждал, что Ревель в фортификационном отношении защищён слишком слабо, а соединение рижского и ревельского (эстляндского) отрядов и их размещение между Ригой и Ревелем привело бы к тому, что рижский отряд не смог бы более оказать поддержку Курляндии и Литве [9, л. 4].

По оценке комитета, Петербург и Кронштадт могли стать главной целью противника. Для их обороны «должна была быть сосредоточена сколь возможно большая масса наших сил, сухопутных и морских, дабы можно было здесь без опасений ожидать предприятий со стороны противника в самом обширном размере» [11, л. 4]. Комитет рекомендовал принять интенсивные меры по усилению верков Кронштадта (в особенности, укреплений на Северном фарватере) [9, л. 14 об.]. Защита Петербурга с сухого пути возлагалась в первую очередь на петербургский подвижный корпус. Члены комитета считали, что выгоднее встретить противника на подступах к столице, чем вести оборонительные бои в самом городе [9, л. 16].

Гельсингфорс и Свеаборг признавались комитетом вторым по важности российским объектом на Балтике, для защиты которого, помимо гарнизона, следовало выделить отдельный подвижный корпус [11, л. 17, табл. 3].

Таблица 3.

Предполагаемое распределение войск на Балтийском театре в ходе кампании 1855 г.

	численность (человек)	батальонов	эскадронов	сотен	орудий
В Финляндии	78973	71		18	92
В Выборге	3351	3			
В Нарве	3272	3			
В Кронштадте	17104	18 ½	2		20
Эстляндский отряд	25327	17	8	12	24
Рижский корпус	37597	25 ½	32	12	64
Гарнизоны Риги и Динамюнде	16186	10			16
Гарнизон Петербурга	14891	11	8 ½		24
Петербургский корпус	88423	74	67 ½		180
всего на Балтике	285124	233	118	42	420

после прибытия запасной дивизии 2-го пехотного корпуса	311858	257	118	42	444
--	--------	-----	-----	----	-----

Рига и Динамюнде должны были, по мнению комитета, помимо гарнизона, охраняться отдельным корпусом, который мог одновременно прикрывать Курляндию и Литву. Для этого следовало усилить укрепления Динамюнде с сухопутного фронта [9, л. 9]. Верки Риги, по оценке комитета, были слишком слабы, чтобы город можно было бы рассматривать как самостоятельную крепость.

Або в Финляндии и Ревель в Ост-Зейском крае не могли быть обороняемы упорно, их следовало прикрывать лишь подвижными отрядами. В случае изменения обстановки абосский отряд должен был присоединиться к гельсингфорсскому корпусу, а ревельский – к рижскому или к петербургскому корпусу. Выборг и Нарва должны были обороняться силами собственных гарнизонов [11, л. 5]. В ряде приморских городов на территории Финляндии предполагалось разместить небольшие команды из местных войск.

Число в 300 тыс. солдат комитет признавал минимально необходимым для успешной защиты берегов Балтийского моря во всех трёх основных районах, в связи с чем Комитет, согласно предложению военного министра, признавал необходимым перебросить войска Гвардии с западной границы к Петербургу.

Император Николай I одобрил содержание доклада «Комитета об обороне Балтийского побережья», однако распорядился повторно обсудить на дополнительном заседании комитета 4 декабря вопрос о разоружении Ревеля с учетом предложений, высказанных в записке А. П. Безака. Последний утверждал, что укрепления Ревеля могут быть приведены в обороноспособное состояние в относительно короткое время и что не следует отдавать без боя противникам город, который может быть использован им как опорный пункт и база флота [10, л. 18]. И. И. Денон были подготовлены соображения по вооружению Ревеля, согласно которым для вооружения верков крепости требовалось 305 орудий: 221 – на сухопутном фронте, 84 – на береговых батареях. В ходе заседания 4 декабря члены комитета сошлись во мнении, что оборону Ревеля целесообразно сохранить [10, л. 19]. Гарнизон Ревеля должен был составить 7 батальонов и 8 полевых орудий. В заключение члены комитета, однако, заявляли, что Ревель будет в состоянии отразить лишь нападение, предпринятое относительно небольшим отрядом [10, л. 21]. Так, Ревель сохранял статус укрепленного пункта, но Эстляндский наблюдательный отряд должен был продолжить играть роль подвижного резерва [6, с. 305].

При разработке планов, военный министр В. А. Долгоруков и «Комитет по обороне Балтийского побережья» исходили из того, что Англо-Французский флот будет в ходе кампании 1855 г. обладать контролем над Балтийским морем [6, с. 306]. Признавая техническое и численное превосходство вражеских военно-морских сил, управляющий морским министерством вел. кн. Константин

Николаевич заключил: «...парусный наш флот без соразмерного числа паровых судов не в состоянии бороться с многочисленными паровыми эскадрами обеих западных держав, а потому, оставить его вооруженным значило бы парализовать часть наших средств, которой можно дать иное полезное назначение». [11, л. 10 об.]. Члены комитета призывали отказаться от применения флота как самостоятельной силы для действий на море и рассчитывали использовать корабли российского Балтийского флота лишь как вспомогательное средство при защите портов [9, л. 24]. В ходе работы комитета высказывались предложения в случае необходимости формировать из экипажей кораблей морское ополчение [11, л. 10 об.]. Личный состав и материальная часть корабельной артиллерии могли быть задействованы для комплектования крепостных и береговых батарей. Основная роль в отражении предполагаемого вторжения возлагалась на армию и береговые укрепления.

За высадкой англо-французских войск в сентябре 1854 г. в Крыму последовал пересмотр русским командованием боевых возможностей англо-французского флота на Балтике. До осени 1854 г. теоретическая возможность перевозки группировки войск на вражескую территорию и дальнейшее снабжение её по морю признавалась возможными. Однако риски, связанные с проведением десантной операции, заставляли сомневаться в том, что противник предпримет попытку её осуществления [5, с. 11]. Однако, по оценке Ч. А. Гамильтона, крымская операция осени 1854 г. стала однозначным доказательством жизнеспособности концепции паромного моста [17, р. 21]. Император Николай I опасался, что союзники смогут высадить армию численностью до 70 тыс. человек с целью захвата одного из русских приморских городов или для нападения на Санкт-Петербург. Эта угроза заставила русское командование, учитывая неспособность русского балтийского флота вести открытый бой с англо-французской эскадрой, существенно усилить группировку сухопутных войск на балтийском побережье [16, р. 280].

Вопрос, насколько обоснованными были эти опасения, остаётся до конца не проясненным. В. И. Васильчиков утверждал, что моральный эффект, произведённый на русское командование падением Бомарзунда в августе 1854 г., привёл к переоценке угрозы с стороны вражеского флота на Балтике. Тем более, что еще в ночь с 19 по 20 мая 1854 г. союзная эскадра пыталась захватить крепости на Аландских островах и о. Ханко, преграждавшие путь к Петербургу. Отпор союзникам был дан российским артиллерийским отрядом с участием финляндских бойцов под командованием генерал-лейтенанта А. Э. Рамзая. В августе того же года он руководил обороной Абоского залива во главе 2-го Финляндского флотского экипажа, а во время бомбардировки Свеаборга, начавшейся 9 августа 1855 г. и длившейся 46 часов, командовал правым флангом оборонной линии, за что был пожалован чином генерала от инфантерии российских войск [3, с. 194]. По оценке В. И. Васильчикова, из-за ошибочного предположения, что союзники готовят крупную наземную операцию, «на Балтийском побережье оставалось без всякой видимой пользы несметное, можно сказать, количество войск» [1, с. 171]. Однако Е. В. Тарле утверждал, что русское командование к концу лета 1854 г. имело все основания опасаться, что противник обладает достаточными силами для проведения

подобной операции [15, с. 96]. Но организации англо-французской экспедиции в Балтийское море, сопровождавшейся высадкой десанта, препятствовали противоречия между союзниками. Англия была заинтересована в успехе операций в Балтийском море в значительно большей степени, чем Франция. Вместе с тем, Англия не могла организовать операцию на суше без привлечения французских войск [15, с. 92]. Первый лорд адмиралтейства сэра Джеймс Грейам, в письмах к адмиралу Чарльзу Непиру в мае 1854 г. утверждал, что, по его оценке, Кронштадт и Свеаборг неуязвимы для атаки с моря, и «лишь очень большая армия сможет эффективно действовать на суше в присутствии тех сил, которые Россия могла бы сосредоточить для защиты подступов к своей столице» [18, р. 240].

Часть специалистов британского адмиралтейства, признавая свои силы в 1854 г. недостаточными для взятия Кронштадта, предлагали создать запас материальных средств и снарядить к началу кампании 1855 г. флот, способный выполнить эту задачу [15, с. 62]. Но необходимость наращивания в 1855 г. в Крыму группировки, осаждавшей Севастополь, затрудняла союзникам сбор армии для операций в Балтийском море. Английской дипломатии не удалось убедить Наполеона III выделить силы французской армии для действий на Балтике, так что проведение десантной операции оказалось для союзников невозможным. Попытки английской дипломатии убедить шведского короля Оскара I присоединиться к антироссийской коалиции также окончились неудачей отчасти ввиду ограниченности успехов союзных военно-морских сил на данном театре военных действий, отчасти из-за отсутствия определённых военных гарантий от Союзников и наличия в Финляндии и в окрестностях Петербурга многочисленной русской армии [15, с. 462].

Таким образом, концентрация русских сил в Балтийском регионе сдерживала союзников от попыток проведения военных операций на побережье Балтийского моря. В то же время, угроза вражеской высадки не давала перебросить русские войска с Балтийского побережья на другие театры военных действий [9, л. 7]. Две армии были развернуты на западной границе Российской империи для отражения возможной агрессии со стороны Австрии. Всё это не позволяло в ходе кампании 1855 г. собрать в Крыму группировку войск, достаточную для разгрома союзников.

Список использованных источников и литературы

1. Васильчиков В. И. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова // Русский архив.– 1891.– Вып. 6.– С. 167–256.
Vasil'chikov V. I. Zapiski nachal'nika shtaba Sevastopol'skogo garnizona knyazyya Viktora Illarionovicha Vasil'chikova // Russkij arhiv.– 1891.– Vyp. 6.– S. 167–256.
2. Зайончковский П. А. Архив Д. А. Милютин // Вопросы истории.– 1946.– № 5-6.– С. 96–104.
Zajonchkovskij P. A. Arhiv D. A. Milyutina // Voprosy istorii.– 1946.– № 5-6.– S. 96–104.
3. Клинге М. Имперская Финляндия.– СПб.: Коло, 2005.– 235 с.
Klinge M. Imperskaya Finlyandiya.– SPb.: Kolo, 2005.– 235 s.
4. Лапин В. В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал.– 2014.– № 1.– С. 98–120.
Lapin V. V. Finlyandiya v voennoj sisteme Rossijskoj imperii // Peterburgskij istoricheskij zhurnal.– 2014.– № 1.– S. 98–120.
5. Милошевич Н. С. Из записок севастопольца.– СПб.: Сенат. тип., 1904.– 146 с.

- Miloshevich N. S. Iz zapisok sevastopol'ca.– SPb.: Senat. tip., 1904.– 146 s.
6. Милютин Д. А. Воспоминания. 1843–1856.– М.: Российский архив, 2000.– 527 с.
- Milyutin D. A. Vospominaniya. 1843–1856.– M.: Rossijskij arhiv, 2000.– 527 s.
7. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 41. Л. 1–4 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 41. L. 1–4 ob.
8. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 56. Л. 1–28 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 56. L. 1–28 ob.
9. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 59. Л. 1–30 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 59. L. 1–30 ob.
10. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 60. Л. 1–21 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 60. L. 1–21 ob.
11. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 61. Л. 1–17 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 61. L. 1–17 ob.
12. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 62. Л. 1–1 об.
OR RGB. F. 169. K. 20. № 62. L. 1–1 ob.
13. ОР РГБ. Ф. 169. К. 21. № 8. Л. 1–28 об.
OR RGB. F. 169. K. 21. № 8. L. 1–28 ob.
14. Рахимов Р. Н., Роднов М. И. Башкирские полки в Самаре // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого.– Уфа: Бийский филиал БашГУ, 2013.– С. 103–124.
- Rahimov R. N., Rodnov M. I. Bashkirskie polki v Samare // Reka vremeni. 2013: unikal'nye svidetel'stva proshlogo.– Ufa: Bijskij filial BashGU, 2013.– S. 103–124.
15. Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т.– М.: «ЭКСМО», 2003.– Т. 2.– 608 с.
- Tarle E. V. Krymskaya vojna: v 2-h t.– M.: «EKSMO», 2003.– T. 2.– 608 s.
16. Figes O. The Crimean war: a history.– New York: Picador, 2012.– XXIII, 575 p.
17. Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870.– Oxford: Clarendon Press, 1993.– 359 p.
18. Elers N. The life and correspondence of Admiral Sir Charles Napier. Vol. 2.– London: Hurst and Blackett, 1862.– 415 p.

Kurochkin S. S. Plans of the Russian command of the defense of the Baltic Sea coast in the fall of 1854 according to the documents of the «Committee of the Defense of the Baltic Coast»

The article is devoted to the analyses of the plans of the Russian command of the defense of the Baltic Sea coast from the possible landing of English and French troops in 1855 during the Crimean war according to the materials of «Committee of the Defense of the Baltic Coast». Due to the analyses of the documents of this committee, it was managed to get the more precise information about the plans of Russian command of distribution of the troops in the Baltic theater of operations in 1854 and 1855. The analyses of meeting logs of the committee let to assert that success of landing of the allied forces in the Crimea in September 1854 made the Russian command to beware that the enemy could try to conduct an analogous operation in the Baltic Sea. With the participation of the Minister of War of Russian Empire Vasily Dolgorukov and major-general Dmitry Milyutin the plan of redeployment of the additional Russian troops to the coast of Baltic Sea during the campaign of 1855 was prepared. During the discussion of the plan by the «Committee of the Defense of the Baltic Coast» distribution of the troops between the regions in 1855 was adjusted, but the tendency of increasing of number of Russian troops on the coast of Baltic Sea still maintained.

Keywords: Crimean war, fortification, coastal defense, strategic forecasting, Vasily Dolgorukov, Dmitry Milyutin, Nicolas I of Russia.